

УДК 1(091) (47) + 821.161.1(091)

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. И ХРИСТОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ В. В. РОЗАНОВА

В. А. Бойко

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
vboyko100@gmail.com

Аннотация. Цель статьи – выявить связь христологической концепции В. В. Розанова с особенностями его восприятия русской революции 1917 г. В работе применяются историко-философский анализ и нарративный подход, позволяющие раскрыть эволюцию взглядов Розанова как драматический сюжет: от характеристики Русской Православной Церкви как института, последовательно противостоящего отечественному нигилизму, до радикального пересмотра исторической роли христианства. На основе компаративного анализа текстов Розанова показано, что автор «Апокалипсиса нашего времени» возлагает на Христа ответственность за разрушение мира и человека, утверждая, что его учение подорвало органические основы мироздания. В отличие от Н. А. Бердяева, видевшего в большевизме карикатуру на христианство, Розанов считает революцию закономерным итогом негативного влияния Христа и его Церкви на судьбу человечества.

Ключевые слова: Русь, Христос, революция, нигилизм, смерть, христианство, религия, история.

Для цитирования: Бойко, В. А. (2026). Русская революция 1917 г. и христологическая концепция В. В. Розанова. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 3. С. 230-250. DOI: 10.47850/RL.2026.7.3.230-250.

THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 AND V. V. ROZANOV'S CHRISTOLOGICAL CONCEPT

V. A. Boyko

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
vboyko100@gmail.com

Abstract. The article aims to identify the connection between V. V. Rozanov's Christological concept and the peculiarities of his perception of the Russian Revolution of 1917. The study employs historical-philosophical analysis and a narrative approach, which reveal the evolution of Rozanov's views as a dramatic plot: from characterizing the Russian Orthodox Church as an institution consistently opposing domestic nihilism, to a radical revision of the historical role of Christianity. Based on a comparative analysis of Rozanov's texts, it is shown that the author of *Apocalypse of Our Time* holds Christ responsible for the destruction of the world and man, arguing that His teaching undermined the organic foundations of the universe. Unlike N. A. Berdyaev, who saw Bolshevism as a caricature of Christianity, Rozanov considers the revolution a natural outcome of the negative influence of Christ and His Church on the fate of humanity.

Keywords: Rus', Christ, revolution, nihilism, death, Christianity, religion, history.

For citation: Boyko, V. A. (2026). The Russian Revolution of 1917 and V. V. Rozanov's Christological Concept. *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 3. Pp. 230-250. DOI: 10.47850/RL.2026.7.3.230-250.

... Так идут державным шагом –
Позади – голодный пес,
Впереди – с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули неведим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз –
Впереди – Исус Христос.

А. А. Блок. «Двенадцать»

В конце 1917 г. В. В. Розанов лаконично формулирует суть изменений, произошедших в переломный для судьбы Отечества год: «Русь слиняла в два дня. Самое большее – в три» [Розанов, 2000а, с. 6]. Эти горькие слова высказаны в первом выпуске «Апокалипсиса нашего времени» и широко известны. Автор констатирует, что для былой Руси пришло время смерти, ныне она – лишь «могила для 1/6 части земной суши». Но все в мире преходяще. Печаль Розанова в том, что эта смерть угодна Богу: «Если нет смерти человека “без воли Божией”, то как мы ... могли бы подумать, что может настать смерть народная, царственная “без воли Божией”? <...> Значит, Бог не захотел более быть Руси. Он гонит ее из-под солнца. “Уйдите, ненужные люди”» [Там же, с. 8]. Розанов хочет понять, почему мы, русские, предстали в глазах Бога «ненужными», почему «умираем как фанфароны, как актеры», срывая перед смертью нательные кресты. Его поражает не факт этой смерти, а ее антураж, ее обыденность и ничтожность: «Самое разительное и показующее все дело ... заключается в том, что “ничего, в сущности, не произошло”. “Но все – рассыпалось”. Что такое совершилось для падения Царства? Буквально – оно пало в буддень. Шла какая-то “середа”, ничем не отличаясь от других. Ни – воскресенья, ни – субботы, ни хотя бы мусульманской пятницы. Буквально, Бог плюнул и задул свечку. <...> Можно же умереть так тоскливо, вонюче, скверно. <...> Задуло свечку. Да это и не Бог, а ... шла пьяная баба, спотыкнулась и растянулась. Глупо. Мерзко» [Там же, с. 10]. Смерть Руси писатель связывает не со слабоволием царя или с действиями его противников, а с нигилизмом, пропитавшем ткань русской жизни, следовательно, отсутствием в русских людях самоуважения: «Мы умираем от единственной и основательной причины: *неуважения* себя. Мы, собственно, самоубиваемся. Не столько “солнышко нас гонит”, сколько мы сами гоним себя. “Уйди ты, черт”» [Там же, с. 8].

Еще летом 1917 г. Розанов предвидит, что Россия будет раздавлена Германией, сначала духовно, а потом физически; она «слабо рождена, слабо и крещена»; судьба славян – «поболеть и умереть» [Розанов, 2000б, с. 247]. И Русь рухнула, как полагает писатель, в силу того, что русские люди отринули свое предназначение, поддавшись обаянию абстрактной идеи «Великой Державы», ведь были они «призваны к идеям и чувствам, молитве и музыке, но не к господству» [Розанов, 2000а, с. 29]. Летописное «призвание варягов» демонстрирует русскую «*неумелость* власти, *недаровитость* к ней»; а история – что «ни один русский *душою* в немца не переделался, потому что они воистину болваны и почти без души. Потому так и способны “управлять”» [Там же, с. 28]. Впрочем, Розанов и ранее характеризовал Россию как «совершенно безгосударственное тело», к которому приставлена «голова

Государства»: безгосударственность характерна для всех азиатских стран, ее начала – исключительно европейские [Розанов, 2000б, с. 231]. «Наша вонючая Революция», уничтожившая равноценное ей «прогнившее насквозь Царство» [Розанов, 2000а, с. 12], – катастрофа планетарного масштаба: русские люди овладели «к несчастью и к пагубе души и тела, 1/6 частью суши ..., в сущности, испортили 1/6 часть суши. Планета не вытерпела и перевернула все. Планета, а не германцы» [Там же, с. 29].

Непосредственная причина этой катастрофы – восторженно упившийся революцией русский нигилизм, формула которого «Земля есть Каинова, и земля есть Авелева. И твоя, русский, земля есть Каинова. Ты проклял свою землю, и земля прокляла тебя» [Там же]. В силу отсутствия самоуважения опустошалась Русь, крах ее закономерен и понятен. «Можно уважать труд и пот, а мы не потели и не трудились. И то, что мы не трудились и не потели, и есть источник, что земля сбросила нас с себя, планета сбросила» [Там же]. Когда летом 1915 г. Розанов писал о душе своей, болеющей за Россию, он уточнял, что «болит душа за ее *нигилизм*». Ведь нигилизм – это смерть, гроб; «не нужно жизни, бытия»: «“Если Россия будет нигилистической”, то России нужно перестать быть, и нужно желать, чтобы она *перестала быть*» [Розанов, 1994б, с. 185].

На необходимость противостояния русского общества нигилизму Розанов указывал ни одно десятилетие, но его отношение к актуальности этой темы менялось. Так, в 1900 г. он отмечает, что нигилизм способствовал рождению отечественной философии: «Прошел плуг по душе русской и, перевернув ее почву, не оставил на ней живой травки. <...> Пустынна стала русская душа и не сохранилось в ней ни Бога, ни совести, ни красоты, ни предания. Нигилизм сыграл у нас роль древних эллинских софистов, которые также все вытравили из греческой души перед появлением Сократа; только нигилизм был трагичнее, злобнее, практичнее» [Розанов, 2000в, с. 400]. С Божьей помощью русская земля избавилась от этой напасти: сегодня в ней «нет нигилизма и даже надолго... уничтожена самая возможность нигилизма как душевной *tabula rasa*» [Там же]. Но разражается гроза Первой русской революции, и Розанов видит возвращение *Nihil*, казалось бы, уничтоженного русского нигилизма, «который состоит из разрушения, надеется на разрушение, возвел разрушение в религию и построил теорию истории как теорию разрушения и разрушений» [Розанов, 2011, с. 285]. Напрягая все свои душевные силы, писатель стремится сохранить надежду на кратковременность ремиссии нигилизма, подчеркивает его слабость и ограниченность. Нигилисты, констатирует он в 1908 г., стремятся сблизиться с рабочим людом, но, будучи варварами, чей культурный багаж не отягощен представлениями о душе и совести, обречены на неудачу; «они взяли человека в будень и посмотрели на него будничным глазом», а мир человеческой души не сводится к будням, в «народе есть и праздник» [Розанов, 2003, с. 299]. Нигилисты и представители родственных им социальных движений (социалисты, марксисты и т. д.) «всегда были *душевно* неразвитые люди», жившие исключительно внешним, материальным миром. Другой мир, праздничную сторону народной души они совершенно не знают. У Розанова нет сомнений, что нигилизм внутренне умирает, «атмосфера идет к очищению: лет через 8–10 не останется на Руси ни декадентства, ни нигилизма. Я думаю, – выигрыш большой» [Там же, с. 306-307]. Проходит три года и отношение писателя к нигилистам становится более нетерпимым. Этого «дикаря, изменника и разбойника», настаивает Розанов в 1911 г., «нужно умертвить, ибо он сам грозит все умертвить: это *единственный*, ... который *может быть умерщвлен*. Нигилизм – сатана

прогресса, антихрист цивилизации, проклятие всего на земле “лучше”; и все на земле, вся земля вправе на него восстать и убить его, как своего *единственного* врага, или, вернее, *объединителя* всех враждебных сил ... “Nihil” противоположно “Pan”: и “Pan” должно убить “Nihil» [Розанов, 2011, с. 285]. В 1913 г., готовя к публикации письма Н. Н. Страхова, Розанов характеризует нигилизм как «что-то последнее», «пропасть», «обрыв» и расширяет пределы его власти: нигилизм определяет наше существование, он пропитал каждого из нас. «Более или менее “мы все – нигилисты”, и выход из него или преодоление его *в себе* каждым – дело величайшего труда и страдания» [Розанов, 2001, с. 68], – вторит он Ф. М. Достоевскому¹. В 1915 г. Розанов констатирует, что преодолел нигилизм в себе, и, быть может, с целью поддержать соотечественников в их «трудах и страданиях» – «если *немногие* останутся не нигилистами, а все – нигилисты: Родине не надо быть» [Розанов, 1994б, с. 185], – откровенно шельмует их лидеров, отринувших прежние лозунги и отказавшихся от борьбы за интересы трудящихся, утверждает, что нигилизм утратил черты оппозиционного движения и погибает, воняя: «Нигилисты и отрицатели России давно ... побежали к золоту, побежали к чужому сытному столу, побежали к дорогим винам, побежали везде с торопливостью *неимущего* – к *имущему*. Нигилизм давно *лизет* пятки у богатого ... нигилизм есть *прихлебатель* у *знатного* ...» [Розанов, 2010, с. 282].

Подобная публичная позиция характерна для Розанова в годы мировой войны. В частности, он говорит о незначительности усилий «революционеришек», коих «страшная сторона ... заключается в том, что ими никто не занят, а они думают, что ими занят весь свет»; видит в революции «дикое явление, которого на самом деле нет, к которому никто не торопится, никто не идет, никто ее не желает и не ожидает ...» [Розанов, 2000б, с. 230, 231]. Розанов даже предполагает, что «“революцию позволяют”, что правительство само “разводит этот гадкий бульон”, чтобы на него слетались навозные, зловредные мухи, из гадких частей страны, от общечеловеческих экскрементов: и тут гибли, *не распространяясь по комнатам*. “Революция” – “мухоловка” в квартире, очищающая жилище» [Розанов, 1994б, с. 153]. Он еще верит в русский народ как «правительственный народ», сознающий, что «“построил Царство” терпением и страданием ... И разрушать свою работу никогда не станет»; в «Разине» и «Пугачеве» Розанов видит единственные, «да и те с *неудачей*, ибо масса была отнюдь не за них», последние формы русской революции [Там же].

Вскоре ситуация в стране кардинально изменится. В ходе революции 1917 г. «всероссийская демократия» сумеет «все отечество скормить, – не в переносном, подчеркивает Розанов, а в буквальном смысле слова, – *лютейшему врагу*» [Розанов, 2000а, с. 12]. «Жалкая» буржуазная революция перейдет в «социальное потрясение» конца 1917 – начала 1918 гг., предвестие «всемирных потрясений, начало колебаний самой почвы под Европой» [Там же, с. 158].

Исторические предпосылки русского нигилизма, согласно Розанову, имплицитно содержались в реформах Петра Великого, который, «как и теперешние нигилисты, подошел к народу только снаружи и материально, в работе и буднично, желая помочь народу и облегчить его вещественно» [Розанов, 2003, с. 300]. Личность Петра наложила отпечаток на отечественный нигилизм, несущий в себе «зерна его идей, пафоса, условий, смеха и самодурства» [Розанов, 1995, с. 639]. Укреплению позиций Nihil, охватившего русскую

¹ «Все нигилисты. Нигилизм явился у нас потому, что мы *все* нигилисты» [Достоевский, 1984, с. 54].

жизнь со второй четверти XIX в. [Розанов, 2003, с. 306], в наибольшей степени способствовала русская литература, начиная с Н. В. Гоголя и В. Г. Белинского. Розанов обвиняет классиков русской литературы (И. А. Гончарова, И. С. Тургенева и проч.) в «великом забвении» российской действительности, «кроме “трубочек” и пошлостей», что «страшно нигилизировало Россию ... предварительно и более могущественно, нежели “отрицательное движение” 60-х годов» [Розанов, 2000б, с. 168]. В русской литературе XIX в. он видит лишь стремление «выесть душу человеческую и основать на месте ее ПУСТОСЛОВИЕ», клеймит ее как «несчастье русского народа» [Розанов, 1994б, с. 17, 108]. До конца своей жизни Розанов не устает бичевать литераторов, обеспечивших торжество нигилизма в России: «По содержанию литература русская есть ... такая мерзость бесстыдства и наглости, – как ни единая литература. В большом Царстве, с большою силою, при народе трудолюбивом, смышленном, покорном, что она сделала? Она не выучила и не внушила выучить ... этот народ ... гвоздь выковать, серп исполнить, косу для косьбы сделать ... Народ рос совершенно первобытно с Петра Великого, а литература занималась только, “как они любили” и “о чем разговаривали”. И все “разговаривали” и только “разговаривали”, и только “любили” и еще “любили”» [Розанов, 2000а, с. 7]. Уже после большевистского переворота он констатирует смерть России, выпившей поднесенную Берлином каплю желчи, «наиболее роскошно выработанную золотою русской литературой», и однозначно указывает на убийцу Отечества: «Из слагающих “разложителей” России ни одного нет нелитературного происхождения» [Там же, с. 43].

Конечно же, Розанов не обходит стороной объективные причины популярности нигилизма. Так, в одной из статей, опубликованных в 1900 г., он воспроизводит содержание своей беседы с историографом Н. П. Барсуковым и редактором журнала «Русский Вестник» Ф. Н. Бергом: речь шла о том, что «нигилистичны самые условия русского существования» всех образованных людей, и участники беседы не проявили разногласий относительно сущности нигилиста: «Нигилист есть тот, у кого нет кровно родного; есть умственные интересы, а нет жизненных скреплений» [Розанов, 2000в, с. 498]. Но нигилизм, как «жестокость, грубость души, по временам переходящая в язвы и яд», пишет Розанов в 1914 г., не ограничивается кругом образованных людей: «Вся действительность наша жестка, груба, “оскорбительна для человека”. По временам ... Вот где питание нигилизма. Черная душа пьет черные воды, и горе – не в душе, а в этих черных водах, которыми мы поим душу, омраченную и проклинающую» [Розанов, 2007, с. 334]. Конкретизировать общее впечатление относительно русской жизни помогают отдельные наблюдения и мысли Розанова, которые он заносит на бумагу между делом, в суете будней. Например, во время трамвайной поездки в мае 1916 г.: «В России так же жалеют человека, как трамвай жалеет человека, через которого он переехал». Соотнося, вероятно, этот факт со своей профессиональной деятельностью, журналистикой, он добавляет: «В России нечего кричать. Никто не услышит» [Розанов, 2000б, с. 139].

Следует подчеркнуть, что вплоть до падения самодержавия Розанов противопоставляет нигилистам, «грубым элементарным язычникам», Христа и Его Церковь. Так, в 1908 г. он отмечает, что этих людей «не просветил свет Христов», они лишены «шестого чувства тонких ощущений», что «Христос вырастил у человечества ..., ухо для неслышных звуков и глаз для невидимых образов», открыл для него мир жизни, незнакомый античности [Розанов, 2003, с. 299, 300]. Именно Христос отвергает принцип «око за око» и «зуб за зуб», содержащий «всю формулу нигилизма» [Розанов, 2007, с. 334].

Розанов не был оригинален, указывая на нигилизм как источник деградации России и русского народа. Так, «отрыжку старого русского нигилизма» ощущал в революционном движении Н. А. Бердяев, который писал о нигилизме как о рабстве мысли у темных сил, отрицании «абсолютных духовных начал в личной и общественной жизни», видел в победе большевиков торжество буржуазного идеала материального благополучия [Бердяев, 2007, с. 571, 812]. Однако в «Апокалипсисе нашего времени» излагается принципиально иная концепция нигилизма, согласно которой *Nihil* непосредственно восходит к основоположнику христианства. В конце 1917 г. Розанов осознает, что именно Христос лишил мир устойчивости, а «революция исходит от одного Христа», хотя «целую вечность» ему казалось прямо противоположное: «Христос» и «революция» исключают друг друга [Розанов, 2000а, с. 366]. Безгрешность Христа, рассуждает Розанов, предполагает его отстранение от всего мирского, уход в пустыню, лишение мира «силушки»: «Не нужно царств ... Не нужно мира. Не нужно вообще “ничего” ... Нигилизм. Ах, так вот где корень его. “Мир без начинки” ... Пирог без начинки. “Вкусно ли?” Но действительно: Христом вывалена вся начинка из пирога, и то называется “христианством”» [Там же, с. 31].

Новозаветный «Апокалипсис» («Откровение Иоанна Богослова») Розанов воспринимает как противохристианскую книгу, как «ВСЕДЕРЖИТЕЛЬНЫЙ, КОСМОГОНИЧЕСКИЙ суд над Христом» [Там же, с. 310]: упоминаемый в ней «Христос» чужд евангельскому Христу, а устройство Неба – христианским воззрениям. «Правду Вселенной, правду *целого*», изрекаемую Апокалипсисом, писатель противопоставляет «узенькой “евангельской правде”, которая сводится не к богатству, радости и полноте мира, а к точке, молчанию и небытию скопчества» [Там же, с. 24]. «Апокалипсис», пишет Розанов, «рассмотрел посаженное Христом дерево и уловил ..., что оно *не* Дерево жизни; и предрек его судьбу ...» [Там же, с. 12]. Эта «ревущая и стонущая» книга свидетельствует о текущем моменте, когда все разрушено, а христианство отброшено и забыто, ибо оказалось бессильным в устройении человеческой жизни, решении социальных проблем. Христианство не смогло утешить человека в скорбях его, наоборот, оно «сгноило грудь человеческую». Для Розанова несомненно, что «в европейском человечестве ... образовались колоссальные пустоты от бывшего христианства: и в эти пустоты проваливается всё: троны, классы, сословия, труд, богатство. Всё потрясено, все потрясены. Все гибнут, всё гибнет. Но всё проваливается в пустоты души, которая лишилась древнего содержания. Всё сгнило, как в легких, в которых туберкулы разрушили ткани ...» [Там же, с. 61]. «Апокалипсис» врачует душу, возвещает о радости земной жизни и утверждает новую религию. Иоанн Богослов говорит, что «человечество переживет “свое христианство” и будет еще долго после него жить ... бесконечно долго, “вечно”» [Там же, с. 13].

Как негодная изношенная вещь отбрасывается евангельская история «союза» Бога и человека. И вопиет Розанов: «Почему так произошло? Каков фундамент тех страшных испытаний, что обрушились на Россию и человечество?». В конце 1917 г. ответ для него очевиден. Ответ мучительный, но альтернативы ему нет: христианство бессильно, ибо «Евангелие есть книга изнеможений. <...> И образ Христа, начертанный в Евангелиях ... не являет ничего, однако, кроме *немощи, изнеможения* ...» [Там же, с. 14]. Христос абсолютно чужд миру и силам его питающим, он гнушается мира: «Христос не посадил дерева, не вырастил из себя травки; и вообще он “без зерна мира”, без – ядер, без – икры; не травянист, не животен; в сущности – не бытие, а почти призрак и тень; каким-то чудом

пронесшаяся по земле. Тенистость, тенность, пустынность Его, небытийственность – сущность Его. Как будто это – только Имя, “рассказ» [Там же, с. 15]. И эта Тень «навела на мир хворь», навела «отощание на всю землю» [Там же, с. 15, 16].

Христос призывал смотреть на мир без вожеления, но, риторически вопрошает писатель, разве такой взгляд не убивает мир в душе человеческой, не убивает душу? [Там же, с. 98] Ведь жизнь – это запах, это рождение и совокупление. «Весь мир, в сущности, – настаивает Розанов, – фалличен и вульвичен» [Там же, с. 168]. Христос же чист и афизиологичен: «Нет солнца. <...> Нет “грязи”. Все Евангелие вообще слишком чисто. И Христос Сам – слишком чист. <...> Таинственно, что зерна – тоже не содержится в Евангелии. Хлеб есть, но уже испеченный, и тоже чтобы прославить Его. Но зерна, сырого, пахучего, взятого от земли – тоже нет. Нашей сырой земли. Все небесно, слишком небесно» [Там же, с. 102-103]. На отсутствие в Евангелии запахов как проявление его безжизненности Розанов указывает неоднократно: «Загадочно, что в Евангелии ни разу не названо ни одного запаха, ничего – пахучего, ароматного ...» [Там же, с. 25]. Равно как и к теме его бесполости: «Полового ... таинственным образом совершенно ничего не содержится в Евангелии. Так что половое ... анти-евангелично и анти-Христово» [Там же, с. 100]. О бесполости Христа Розанов заявляет без обиняков: «У бессеменно зачатого Христа не было над чем совершить и в отношении чего совершить обрезание. Он был лишен пола ... бессеменны все Его речи, движения и все Евангелие» [Там же, с. 324]. А ведь «бесполо – значит и без жизни. И нет христианства. <...> Оно и не нужно, и невыводимо. Оно просто реторично» [Там же, с. 226].

Поэтому Христа не интересует устройство мироздания. Он, прежде всего, учит людей греховности «дел плоти» и праведности «дел духа». Розанов на протяжении всей своей жизни решительно отвергал негативное отношение к «плоти»: «Я ... думаю, что “дела плоти” суть главное, а “дела духа” – так, одни разговоры» [Там же, с. 22]. Только «слова, фразы и формы» он видит у христиан. «Слово “о благодати” есть, а благодати настоящей нет. Есть “учение о благодати”, но в сердце нет благодати. Есть “наука о благодати”, целые главы ... <...> Но это все – печать. А что в сердце-то напечатано? А сердце пусто бьется» [Там же, с. 86]. Писатель утверждает, что доктрина Христа привела к тому, что «небеса исполнились простой болтовни»: «Балаболка Христос основал “Орден балаболок” ...» [Там же, с. 271].

Нефизиологичность христианства Розанова поражает и ведет его к противопоставлению ипостасей Троицы: «Христианство ... все “чистенькое”, “книжка”, в нем ни испражнений, ни роженицы – нет», а ведь Бог – «ОТЕЦ, и это – ПРЕЖДЕ ВСЕГО», но Бог христиан «именно – НЕ отец, и это – прежде всего» [Там же, с. 351]. Новшество христианства состоит в том, что Бог был «обескровлен». Он стал Духом, стал акосмичным. «Если Бог – Дух, откуда взялась жизнь?», – вопрошает Розанов. Жизнь – это кровь, а из крови – семя, энтелехия крови; «кровь *есть*, потому что *будет семя*, кровь создана, чтобы потом *породиться семени*. Явно, что подлинный Бог ... слишком кровен, полно-кровен» [Там же]. Религиозные египтяне изображали Бога как Семя, следовательно, утверждает Розанов, «БОГ ДУХ СВЯТОЙ» христиан «не только не “Святой”, а ... просто *мнимость*, т. е. его просто нет. Христианство есть именно “мнимо”, а не “религия» [Там же]. С какой стороны ни посмотреть, с космологической или нравственной, «что за “отец”, который гнушается своей “рождающей дочери”? Это не Отец, а чужой, посторонний, проходящий мимо человек» [Там же, с. 352]. Христос «совершенно чужд миру и идет мимо

его», поверили же в «безфизиологического» Иисуса в силу красоты его слов. «Акосмический, афизиологический Христос миру просто не нужен, и если бы он “пришел”, то, – пишет Розанов, – “не знаю, зачем приходил”. Христианство... – марево, мираж. И его – не может быть. Это не-А, которое вздумало быть А. Не только не “Альфа” и “Омега”, но даже никакая из промежуточных маленьких букв» [Там же, с. 352]. «Религия – это жизнь. Море. Океан. Волнение, буря. И потому-то, именно от того она выше всякого рекомого и мыслимого идеала. Реальность» [Там же, с. 264]. Христианство же объяснимо, будучи сведенным к монастырю, как подготовка к смерти.

Всякая религия, согласно Розанову, имеет единственную «всекосмическую» основу: «все без исключения религии были ... *отцовскими* или *фаллическими*, и никакими еще иными они *не суть* и *не могут быть*» [Там же, с. 305]. Христиане порвали с фаллизмом, и потому являют пример «страшного, безумного падения религии», они принципиально «не могут быть религиозными, сколько бы ни усиливались – молитва не течет из уст их» [Там же, с. 288]. В христианстве Розанов видит попытку подменить религию. «“Религия сына” ... началась “словом”, “в слове” и “о слове” с необыкновенно быстрым обмелением слов, с угашением всякого пророчества в себе, с быстрым выдыханием самого духа ... Вся почти религия свелась к “ссорам”, “соперничеству”, “драчливости”, зависти, нехорошей жизни, полному упадку жизни» [Там же, с. 305-306].

Кроме того, Розанов подчеркивает, что «христианство не космологично, “на нем трава не растет”. И скот от него не множится, не плодится. А без скота и травы человек не проживет. Значит, “при всей красоте христианства” – человек все-таки “с ним одним не проживет”. Хорош монастырек, “в нем полное христианство”; а все-таки *питается он около соседней деревеньки*» [Там же, с. 15]. Отсюда следует, что «само в себе и одно – христианство проваливается, “не есть”, гнило, голодает, жаждет. Что “питается” оно – *не христианством*, не христианскими злаками, не христианскими произрастаниями. Что, таким образом, – христианство ... зовет, требует, алчет – “и *нехристианства*”» [Там же, с. 15-16].

Противопоставление Христа Богу-отцу, Творцу мира выступает стержнем христологической концепции Розанова, «общей концепцией» его последней книги, большинство фрагментов которой вплоть до конца XX в. хранились в рукописном виде². Превознесением «дел духа» и умалением «дел плоти», отмечает Розанов, Христос демонстрирует, что «Аз и Отец – *не одно*»: «“Отец” – так Он и отец: посмотрите Ветхий Завет ... Отец не пренебрегает самомалейшим в болезнях дитяти, даже в капризах и своеволии его: и вот *там*, в Ветхом Завете, мы находим “всяческое”. Все страсти кипят, никакие случаи и исключительности – не обойдены. “Отец” берет свое дитя в руки, моет и очищает его сухим и мокрым, от кала грязного и от мокрого. Посмотрите о лечении болезней, парши, коросты. В пустыне Он идет над ними *тенью* – днем (облако, зной), и столбом огненным – ночью *освещает путь*. <...> Этим таинственным и глубоким попечением о человеке, каким-то кутающим и пеленающим, – отличается «Отцовский завет» от сыновнего. Сын – именно “*не одно*” с Отцом. Пути физиологии суть пути космические, – и “роды женщины” поставлены впереди “солнца, луны и звезд”. Тут тоже есть *объяснение*, чего абсолютно лишено Евангелие. Действительно ..., и луна, и звезды, и солнце – все для облегчения

² Полный текст «Апокалипсиса нашего времени» был опубликован лишь в 2000 г.

“родов”. Жизнь поставлена выше всего. И именно – жизнь человека. Пирамида ясна в основании и завершении. Евангелие оканчивается скопчеством, тупиком. “Не надо”. Не надо – самих родов. Тогда для чего же солнце, луна и звезды? Евангелие со странным эстетизмом отвечает – “для украшения”. В производстве жизни – этого не нужно. <...> “Все понятно” – в Библии, “ничего не понятно” – в Евангелии» [Там же, с. 23-24].

От сопоставлений ветхозаветных и новозаветных реалий Розанов переходит к теоретическим вопросам и выдвигает тезис, что рождение сына предполагает онтологическую недостаточность отца. Только если Отец «не имел ПОЛНОТЫ в себе», «в чем-то не дотворил», «не научил или недоучил», осознавая, что «Отец – это еще **не все** и не **конец**», возникает нужда в появлении Сына [Там же, с. 26, 344]. В соответствие с логикой мира сего, мира, где был рожден Христос, сын не может быть тождественным отцу! «Мысль о тавтологии с отцом, неотличимости от отца противоречит закону космической и онтологической целесообразности. Повторение вообще как-то глупо. Онтологически – оно невозможно» [Там же, с. 41]. Непрекращающаяся творческая деятельность Бога-отца «составляет *нерв*» жизни мира, и сегодня Бог продолжает творить мир – свое подлинное дитя, «соучаствует всем тварям без исключения в родах их; составляет нерв и нить их родов» [Там же, с. 41, 345].

Появление у Бога-творца сына может быть вызвано, указывает Розанов, лишь потребностью «сказать нечто *новое* земле и совершить на ней тоже *новое*. Без новизны нет сына. Сказать *иное* от отца и именно отличное от отца – вот для чего мог бы “прийти” сын. Без противоречия отцу не может быть сына» [Там же, с. 41]. И пришел Иисус в мир. «И похулил мир красотою Своею. А ведь мир-то – Божий». И сказал Иисус: «Я и Отец – *одно*», и оскотил Его. «И только, чтобы оскотить – и пришел». Розанов содрогается от ужаса и кричит Иисусу: «Ты – не простой, а именно – ужасен. <...> О, ты не *друг* человеков. <...> Ты их ужасно угнет, до последнего рабства. Поистине – “рабы Господни” ... Даже и до смерти, до мученичества. <...> Ты *все* мог, Господи Иисусе. Ты, “потрясший небо и землю”. И не избавивший даже детей ни от муки небесной, ни от муки земной» [Там же, с. 30]. Русский писатель, таким образом, категорически отрицает Христа как Бога-сына, видит в Христе противника Бога, пришедшего «“поколебать все основания” сотворенной “будто бы Отцом Его” Вселенной» [Там же, с. 24].

Розанов полагает, что эпистемологическая и онтологическая суть «пришествия Христа» состояла в том, чтобы обманым путем, «с предлогом *облегчения человеку*» его участи обвинить Бога-Отца в жестокости и отсутствии милосердия; подчеркивает, что «Христос постоянно борется против “своего (якобы) отца” в Евангелии, является Его непрерывным Обвинителем ..., <...> на самом деле Христос был фарисей, воистину и ужасно – “показавши на другого”» [Там же, с. 237, 238].

Евангелие, утверждает Розанов, «представляет собой... **разрушение всей Библии**, ее духа, ее вдохновения, ее “пророчеств”, ее ВСЕГО СМЫСЛА ... <...> Нужно *никогда не раскрывать Библии*: или уж если раз раскрыта Библия – никогда не нужно читать Евангелия ... Никогда, никогда, никогда. Никогда этих “нагорных проповедей” и этих лицемерий в притчах» [Там же, с. 147-148]. «Все от Христа – холодно. Нигде – пламени. Он весь – вялый. <...> Ничего – пламенно. Ничего. Я – вяленький и вяленый, и мы – победим мир. <...> Мир – кончается. Мир вообще – кончился. Не надо мира. О, не надо огонь. Мир – тухнет. И только солнце – о, оно отчаяние, вечно горит. Но ведь именно Его-то

погасить» [Там же, с. 148]. Христос пришел, дабы воцарилась ночь и тишина, небытие и могила. Он *обезбожил* и *обесвятил* мир [Там же, с. 242]. «Между ТОРОЮ... и АПОКАЛИПСИСОМ, – пишет Розанов, – Евангелие расплющивается в совсем ледяную книжку», в которой не просто чувствуется человеческое, а несовершеннолетнее, доминирует бессилие [Там же, с. 338]. Розанову представляется таинственной произведенная Христом «*пертуберация* в планете» при совершенном Его бессилии «РАЗРУШИТЬ МИР, РАСКОЛОТЬ ДО НЕБЫТИЯ ПЛАНЕТУ» [Там же]. Розанов констатирует, что «все “Эос” умерли, когда родился Христос ..., мир действительно как-то умер ..., звезды не так уже светят, мир не так горит ..., все ухудшилось ... с рождением Христа. Точно приняло колючку от венца Его. И заболело, и застрадало. И это страдание не хорошее. <...> Пришел какой-то гной в мир и заразил все» [Там же, с. 135]. «О, о, о ... – Стонет русский писатель от душевной муки. – Плачьте люди, плачьте и сокрушайтесь о рождении Христа. Он *не соединил* Небо и землю (как думают). Он именно их *разъединил*» [Там же, с. 136].

Розанов скорбит о былой гармонии земли и неба, не готов отделить мир, согреваемый «благородным» солнцем, от Бога: «Бог – он вот. Чувствую Его в ладонях моих, в каждом сгибе пальцев. Бог – это мы. Но потому, что Бог – это мир Сам» [Там же, с. 119]. Молитвою мир и Бог связаны воедино. Всякая вещь молится Богу, ибо растет она и дышит, явившись из «вздоха», а «вдох» – это Бог. «Бог – не бытие. Не всемогущество. Бог – это “первое веяние”, “утро”. Из которого все – “потом”» [Там же, с. 32], – противопоставляет Розанов абстрактности мысли конкретность жизни. А жизнь едина, эта жизнь земли и неба, качественно равноценных, «на земле не хуже, чем на небе», и очевидна для него аналогия между Богом и человеком: «Если престол Божий – небеса, то земля – есть престол человеческий; только нужно для этого, чтобы человек был скромн, смирен в сердце своем и никогда не забывал Бога. Тогда и Бог не оставит человека» [Там же, с. 187].

Именно в разъединении всего сущего писатель обнаруживает смысл «пришествия Христа». Ведь тотальное разъединение земного и небесного, торжество Nihil, предполагает противопоставление одного многому как на уровне антропологическом, так и на уровне теологическом: «Мысль Христа: разъединить человека. *Разъять его. Solo – solo.* В сущности поправить Бога из Элогим в Элоах. Монашество – *поправка к творению.* <...> И что Христос был *противником-Существа-Божия* – это несомненно такую несомненностью, такую особенною и исключительною несомненностью, что всякий спор об этом есть что-то смешное» [Там же, с. 369-370].

В Евангелии Розанов замечает «странное угашение молитвенности»: «всего одна молитва в семь строк», причем не молитва Христа, а молитва мытаря³, которая вырывается за пределы Евангелия, где господствует логика «с упоминаниями о том-то и том-то, но без умиления, без йоты восторга. Это какое-то продолговатое “дважды два = Боже”» [Там же, с. 46]. В умалении Христом «*ноумена молитвенности*» писатель видит симптом его отчуждения от Бога-отца: «Мы не слышим молитв и любящих излияний сердца именно Христа к Отцу Своему, что так естественно бы от Сына, что так ожидалось бы от Сына. Люди молятся, но Христос не молится» [Там же]⁴. И более того, отказ от молитвы

³ См.: Лк. 18:13-14.

⁴ Поразительно избирательное беспамятство автора «Апокалипсиса...»! Его утверждение прямо противоречит словам евангелистов. См., напр., свидетельства Луки, что Христос молился в пустынных местах в одиночестве (Лк. 5:16) и совместно с учениками (Лк. 9:18), что, однажды, окончив молиться, научил их словам

и торжество логики знаменует подмену Отца Сыном: в Евангелии «Отец Небесный загадочно уже на ум никому не приходит: только – **Сын**, везде – **Сын**, заменяющий Отца ... Между тем, что же такое *молитва*, как не исчерпывающее отношение дитяти-человека к Богу! И вот именно она-то таинственно исчезает. Только рассуждают. <...> тайный-то ноумен Евангелия ... лежал в перемене – музыки молитвы на “*cogito ergo sum*” богословия» [Там же]. Религию заменили разговоры, в отличие от музыки древних культов «христианство начало обходиться “пустяками”» [Там же, с. 24]. Христос «разбил МОЛИТВУ», после чего «посыпались в щебень и храмы», «все храмы на земле» – так вдребезги была разбита древняя история [Там же, с. 180]. Со слезами на глазах вспоминает Розанов античность, Суллу и Цезаря, Платона и Аристотеля, корабли Тиренского моря: «О, древность. Я плачу. Господи Иисусе, да отойди же Ты, отойди ... Зачем Ты пришел помешать человечеству. И отнял у нас рай» [Там же, с. 237]. Но как может умереть древность, задумывается Розанов, когда «прикосновение к ней – всегда “Возрождало”», следовательно, «единственное, что умерло, и единственное, что никогда и не жило, есть Христос и христианство» [Там же, с. 241].

В Евангелии, кроме «последнего аристократа» Христа, отмечает Розанов, нет «имен, лиц, генераций», оно открывает поле «“нищих”, “убогой братии” ...», какой-то трухи человеческой»; именно от Евангелия «потекло начало какой-то безродности, в сущности – вырождения и голытьбы. Христос – горит, сияет. Но какая темь вокруг него. Чем ярче небесное Его сияние, выше подвиг “учения” и “на кресте”, тем все человечество ... – сгорбленнее, суше, с болячками» [Там же, с. 114]. Христос возлюбил «нищету, бедность, уродство» и повлек ко всему этому человечество как к земному идеалу: «Человек вдруг возлюбил собственное зло ..., собственное несчастье. Человек вдруг возлюбил – раны. Раны на ногах, раны на руках» [Там же, с. 115]. Христос сказал:

« - Блаженны нищие ...

Так что же он сказал?

Разрушение мира.

А мы думали: “воскресение”, “спасение” ...

А вот “мир разрушается”» [Там же, с. 126].

«На *гноище*» Христос усадил не только человека, но и историю человечества: «Он *отнял* ... все, что радует человека; и не что-либо “дурное” в радовавшем отнял: а именно “хорошее” – то и отнял» [Там же, с. 160]. Он «разбил древность», «с Иерусалимом он убил ноумен всего древнего мира, за ноуменом погасли и феномены, т. е. погас древний мир» [Там же, с. 263]. С «вознесения Христа» берет начало «христианская цивилизация», где царит гордость, одиночество и разобщенность. А «людей Божиих», отмечает Розанов, в ней мало: «“Юристов много”, “панталон очень много”, а людей “невинного скотьего образа” – странно мало» [Там же, с. 340]. В цивилизации этой «потерялся мир народный», «мир ласковый, скотий, Божий» [Там же, с. 341]. Сын оказался неспособным быть «отцом»: «Безсеменное зачатие могло передать вид, форму человека, но беззёрного же. Вечный скопец; нет, больше,

«Отче наш» (Лк. 11:1-4). Согласно Матфею, Христос неоднократно молился перед арестом, в Гефсиманском саду (Мф. 26:39, 42, 44) и призывал учеников молитвою поддержать духовные силы (Мф. 26:41). Ровно об этом же свидетельствует и Лука (Лк. 22:40-46). И, наконец, как можно забыть молитву Христа, переданную Иоанном (Ин. 11:17), объем которой более чем в десять раз превосходит восхитившую в Евангелии Розанова «великую, прекрасную, *единственную*» молитву мытаря?!

опаснее; предвечный скопец. <...> Он ... не содержит роста и будущего. <...> Могила истории. Могила, которая *пуста*. В которую не легла куколка. И в которой вообще нет самого *обещания*. <...> Гроб, который пуст» [Там же, с. 345-346]. Евангельская история – это пустота «уже и при жизни, или – при кажущейся жизни ... Отсюда – изнеможение» [Там же, с. 346]. Христос ушел, оставив после себя бесплодность, «свой особый мир» – пустоту. Следовательно, христианской истории нет, не было и не могло быть.

Наоборот, «мир» долго сопротивлялся распаду, который привнес в него Христос. Христианство и история противостоят друг другу. Согласно Розанову, «“мир” выскочил в историю, постоянно *калеча и искажая христианство*». Вследствие того, что христианство пытается убить историю, «история» осуществляется как «перекаленное христианство». «Суть истории, – утверждает Розанов, – есть negation, отрицание христианства. Всякий смысл, всякая поэзия, всякая философия была “отрицанием Христа”» [Там же, с. 161].

Истоком этого противостояния выступает бессеменное зачатие Христа, ведь «бессеменность» означает «смерть», Вифлеем и Голгофа слиты воедино: «Бессеменность, проколебавшись чем-то призрачно “33 года”, должна была как-то испариться, рассеяться» [Там же]. В бессеменном зачатии как «деловом разрушении семьи» Розанов видит сатанизм, дыхание дракона Апокалипсиса. В заменившем обрезание крещении все в природе «оводянилось, напухло водой, обескровилось». «Открылось “познание” и никто не хочет запаха. <...> В “крещении”, так[им] образом, “обезбожилась природа”, обездушилась; вышел дух из нее, и фиалка никак не пахнет» [Там же, с. 171-172]. В крещении человек обращается в нищего, Христос запрещает ему быть богатым, мудрым, свободным, предлагаемая им альтернатива – «всю жизнь горбатиться, быть гонимым за правду от людей, которые заранее все обозваны почему-то несправедливыми ... нести крест муки на земле: чтобы потом по смерти – в муку огненную» [Там же, с. 172]. Его альтернатива миру – «огонек адский», Согласно Розанову, Христос «провонял семью человеческую», тем самым «провонял и рай»; Он – «избавитель мира» – насадил учение об Аде [Там же]. Христиане «поклонились религии несчастья» и потому несчастны [Там же, с. 237]: их лица – унылы и грустны, их «тяжкая, тоскливая» земная жизнь сводится «к канцеляриям, революциям, расстройству и попыткам его устранить», а загробная жизнь подавляющего большинства христиан «еще печальнее их расстроенной жизни», их ждет адский огонь, «скрежет зубовый и вечный плач» [Там же, с. 195, 196].

В центре Евангелия – распятие Христа, без которого Он – «ничего». Его поступки и слова, образы сопровождающих Его людей – «“приуготовление” к гробу и только к гробу, именно к гробу»; «распятие до такой степени господствует над всем, что “Христос” и “Распятый” – это одно лицо, названное в периферии и в центре». Христианство – это спасение страданием, «и тогда какие же радости, торг, дети, семья. “Ничего не нужно”» [Там же, с. 192]. «Настала Христова мука, настала Христова смута» [Там же, с. 42]. Христос «победил мир» тем, что превознес страдание и смерть над радостью и жизнью, подменил собой мир: «“Ничего. Я – один”. О, я, я, я ... “Аз”, столько раз повторенный и венчающий все, “Аз”, распространенный на мир, померкнувший или, вернее, поморивший солнце, звезды, луну, мир. “И сотряслась земля”. “И разверзлись гробы.” “И мертвые восстали.” Да. Которые стали ловить живых, чтобы уносить их к себе ...» [Там же, с. 194].

В основе христианства, убежден Розанов, лежит зло: «Человека задавило», ему невозможно стало дышать, но он не умирает и стонет. Писатель обвиняет Христа в том, что он, вопреки собственным обещаниям, создал «стонущую цивилизацию», *«зло пришествия Христа выразилось в том, что получилась цивилизация со стоном»* [Там же, с. 50]. Ему отвратительны пустопорожные этические назидания Христа:

«Так вот в чем дело. Он соблазнил нас добродетелью.

Мир стал добродетелен. И очень несчастен.

От несчастья родилась злоба.

Мир стал злобен.

Помертвел от злобы» [Там же, с. 110].

Преклонение перед добродетелью порождает трагическое отношение к жизни, отвращение к миру, переполненному «пороками», т. е. нигилизм. В начале ноября 1917 г., предчувствуя смерть Отечества, Розанов пытается изменить привычный для него ракурс оценки российской действительности, изобличая его нигилистическую компоненту: «Эту ночь мне представилась странная мысль: что, мож[ет] быть, все мое отношение, – все и за всю жизнь, – к России – не верно. <...> У меня был трагический глаз. А, м. б., ее надо рассматривать с комической стороны. <...> Комедия, в сущности, добрее. Комедия снисходительнее. Трагическое начало сходно с Молохом: который и пожирает. Во мне это было что-то *пожирающее свое отечество*. В тайне вещей я его ненавидел и – за отсутствие *добродетели*» [Розанов, 2000б, с. 252].

Эта «странная мысль» явилась Розанову не случайно. Месяцем ранее он записывает:

«Порочность мира совпадает с добродетельностью его.

А непорочность мира совпадает с последним, крайним величайшим злом.

(Так ведь и эмпирически: ничего нет добродетельнее камня; животные уже порочнее его; а порочнейшее их животных – человек)» [Там же, с. 174].

В этом своем «открытии» писатель находит объяснение беспорочности Христа, следовательно, того зла и ужаса, что Он привнес в мир. В сотворенном Богом мире греха нет, а «порок, если бы он и запакопился где в мире, опал зернышком во Вселенную – и НЕТ ЕГО, нет ГРЕХА, все ПРАВО, все – ПРАВДА» [Там же, с. 175].

Евангелие Розанов воспринимает как книгу «глубокого ненавидения», «с таким резким ... разделением ненавидимого от ненавидящего, что поистине им никогда не привелось встретиться, узнать что-нибудь друг о друге ..., оповестить один другого о бездне ада, в котором они оба и совершенно бессмысленно ... живут; ада, ничем не заслуженного и нисколько не “обвиненного”; ада, который со времен страшной книги – разделил их» [Розанов, 2000а, с. 120]. По одну сторону – «все народы, все “прочее человечество”, язычники и т. д., призванные, облаканные, зовомые», по другую – христиане, ненавидящие мир как «место тюрьмы» своего Спасителя [Там же, с. 120]. Именно в кардинальной трансформации человека (и общества) писатель обнаруживает «ноумен Евангелия»: «ХРИСТОС ПЕРЕТВОРИЛ ПО-НОВОМУ ЧЕЛОВЕКА ... Возмутившись СОТВОРЕНИЕМ ОТЦА СВОЕГО» [Там же, с. 360]. Торжество нигилизма в современном мире есть прямое следствие «пришествия Христа», ведь Христос «более сжал человека, чем Бог»; Христа человек «страшно боится, до испуга», более, чем Бога, «тогда как “Бога мы легко отрицаем”. <...> “Все мы безбожники”» [Там же, с. 261].

Завершающаяся распадом всех типов отношений между людьми история христианства свидетельствует, что «религия любви» вдруг оказалась совершенно без любви». И, конечно же, Розанов, десятилетиями пытавшийся освободить брак и семью из-под гнета Церкви, не может не обличать Христа в связи с осквернением им таинства брака: «Христос, не отменяя вещей мира, состояния их и бытия, снял таинственным образом и через магию обаятельных слов – прекрасные покровы с них. Брак он не отменил ..., но он его лишь дозволил, пассивно, а не активно, и исключив из него влюбление, любование, нежность и грацию. <...> Семья разрушена, монастырь готов» [Там же, с. 126, 127]. Абсолютная бесполость христианства, убежден Розанов, обернулась абсолютным атеизмом [Там же, с. 360]. Христос осквернил все вещи мира, его проповедь – «потрясение и изничтожение быта и бытия народов» – выражает суть русской революции. «Получилось уродство всех вещей, при котором их нельзя любить. <...> Нельзя их уважать серьезно, и стало так, что даже стыдно, неловко уважать. <...> Страшным образом везде, во всех направлениях, проложились отвратительные, безлюбные дороги; и путаница таких гнусных дорог образовала “в конце времен” “современную цивилизацию”. Что же случилось с миром? Гнусен. Благородная душа человеческая ..., о, какая она благородная, воистину лучше Христовой ... Возгнушалась миром, по Его же ожиданию ... и возненавидела его сплошным ненавением ... Вот характерное выражение типично декадентской революции, именно – нашей, именно – пьяной, именно как отвращения и *odium* к миру» [Там же, с. 127]. Следствие проповеди Христа – социализм как декадентство политической экономии, где стремлению копить и богатеть противостоит стремление «разорить, растащить, поднять класс на класс, сословие на сословие, *отнять*» [Там же, с. 128]. «Не любите» Христа, призывает Розанов, и риторически вопрошает: «И кто же *Винovníк*, если они [люди – В. Б.] “не любя” поднимают войны, мятежи, кидаются один на другого ... И жалят, как скорпионы, друг друга ... И наполняют воды кровью» [Там же].

Следует отметить, что «узелок», который развяжется в концепцию нигилистического Миссии «Апокалипсиса ...», возможно, завязывается в сознании Розанова в апрельские дни 1917 г., когда православная Русь встречала Пасху – «Светлый праздник русской земли»⁵. В эти дни умиротворенный и оптимистически настроенный Розанов забывает свои прежние проклятия в адрес революции и констатирует, что, вопреки тревожным ожиданиям, она оказалась общенародной и бескровной: «В противоположность потокам крови, которыми заливаются края нашего отечества во внешней войне, ... внутреннее наше потрясение ... произошло почти бескровно» [Розанов, 1994б, с. 340]. Писатель призывает беречь русскую революцию «как зеницу ока» и связывает ее непосредственно с Христом. Мы, русские, «воскресли без “кровавой жертвы”! Как и Христос был уже последнею кровавой жертвою и запретил навсегда таковые жертвоприношения на земле. В этом отношении не будет преувеличением сказать, что единственная “христианская революция” совершилась народом, который его вещим пророком был назван “богоносцем”» [Там же, с. 341]. Кроме того, Розанов отмечает, что «вино новое», которое принес Христос, обильно «вливается во все фибры нашего организма»: обретают свободу целые народы и вероисповедания.

⁵ Название статьи Розанова, анонимно опубликованной 2 апреля 1917 г.

Прошло несколько месяцев, и налетел шквал. За два-три дня «не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Станным образом – буквально ничего. Остался подлый народ ...» [Розанов, 2000а, с. 7]. В своих оценках революции Розанов двигается вспять: «Вся наша революция ..., в ее невыразимой вонючести, – есть пот, обернутый в евангельскую страницу; есть разбойник злой, одевший агничью шкуру. Это есть Лазарь, прославленный Христом, которому надоело сидеть при дорожке и получать в шапочку, и в одну темную ночь, дождливую ночь, русскую ночь – он напал со спины и зарезал того “богатого”, который по простодушию своему – по языческому простодушию, все время клал ему “в шапочку”» [Там же, с. 335-336].

Осталась, однако, у Розанова мысль, утешившая его в апрельские дни 1917 г., мысль о единстве русской революции и Христа. Только мысль эта поменяла знак, с «+» обратилась в «-»:

«... все думаю, все думаю ...

об одном, об одном:

Христос не заступился за Россию.

– Ведь НЕ ЗАСТУПИЛСЯ?

Почему же Россия должна заступаться ЗА ХРИСТА.

Почему она не может стать из ХристоЛЮБИВОЙ – ХристоПРЕЗИРАЮЩЕЙ» [Там же, с. 231].

И вопиет Розанов «апокалипсическим языком»: «Смотрите, нет Его: к двум разбойникам приложился третий, худший из всех, злейший из всех. Это – СЫН, отложившейся от ОТЦА, и провозгласивший “СУД МИРУ СЕМУ”: но не Отец ... низложен, а он окаянный Каин, треклятый Хам, посмеявшийся Отцу своему и вот – НЕТ Его, прах и ничтожество» [Там же, с. 374]. Или без всякого пафоса, предельно скромно: «И побледнел Христос перед Розановым, который Ему напомнил о зерне», ведь «Христос не имел причины бояться ничего, кроме зерна. Но зерно должно навести на него бледность, ужас» [Там же, с. 189]. Впрочем, силы противоборствующих сторон были изначально неравны: «... на моей стороне вся ЖИЗНЬ. На Его стороне только СМЕРТЬ» [Там же, с. 330].

Хотя Розанов и писал, что «церковь особенно ненавидит нигилизм, как человек в “водобоязни” не переносит “воды”», и для «утоления печалей» мы обращаемся к ней, «припоминая там самые меткие и пронзительные слова для уврачевания» нигилизма [Розанов, 2007, с. 334], но поразительно много параллелей можно провести между его характеристиками Русской Церкви и русского нигилизма: их сближает безжизненность и пустословие. И даже шельмование Розановым двуличных, корыстолюбивых предводителей русского нигилизма воспроизводит его былые упреки в адрес русского епископата, например, в очерке «Русская Церковь» 1906 г.: «“Церковь – не от мира сего”, – учила о себе Церковь, возлюбив и власть, и ордена, и отличия, а паче всего не пренебрегая деньгами. Глубокая скорбь прошла через душу русскую, в ее идеализме ужаснувшуюся этому двуличию» [Розанов, 1994а, с. 20]. Пафосные печатные «заявления» революционеров Розанов сравнивает с архиерейской службой [Розанов, 1994б, с. 235].

Розанова поражает, что «Церковь “в славе Своей” “хочет быть Христовой”, а осуществляется в “анти-Христовстве” – насколько она именно “в славе”, “в богатстве”, “во власти”. Неуловимо, неудержимо христианство переходит в свою антиномию ... “Анти-Христово царство”» [Розанов, 2000а, с. 379]. Причина этому – антиномичность учения

и Лика Христа. «Где “Христос” – там и “распря”. Ничего подобного не было в мире, и – никогда не было. Станным образом “религия любви” в силу антиномичности общего духа Христова – решительно сделалась религиею *ненависти*. Вражда, ссора ... Злоба, неумолимая злоба ... Зависть, о какая! ... Жадность ...» [Там же].

Читая Розанова, создается впечатление, что в нигилизме Церковь видит проекцию себя и находит «меткие и пронзительные слова», бичующие свою темную сторону. Но слова остаются словами. Две стороны, как аверс и реверс монеты, отечественного Nihil являют себя по-разному, но от ядовитого дыхания этого зверя умирает Русь. И кричит Розанов: «Порывайте гнилое вязанье церкви; рвите гнилые нитки, которыми она связала вас ..., нитки, сплетенные из лжи, грубости, насилия. Ищите религию вне христианства – вот тьма веков» [Там же, с. 314]. Если религия – это рост, разворачивание мира из «точки Бога», из «*отцовской* точки» в «красоту-мироздание» [Там же, с. 32], то в христианстве ее не отыскать. «В христианстве нет рыбы. Нет сотворенья. Нет звезд. Что же есть? – Розанов, не колеблясь, отвечает: – Политика» [Там же, с. 227]. Он не считает возможным видеть в Христе основателя религии: Христос «подорвал все, наоборот, религии ..., порвал самый источник молитвы и религии – фаллизм (бессеменное зачатие)», разрушил храм и осквернил вечность [Там же, с. 288].

Розанов ассоциирует мир с теплом, а источник тепла в мире – «живот». Может быть, мир проживет и без него, но он «легче обойдется без “меры и числа”, чем “без живота”»: и *холодный* он погибнет скорее еще, или станет еще отвратительнее, чем как оказался бы мир ... без счета, без “числа в себе»» [Розанов, 1994б, с. 29]. Отец и Солнце – вне Евангелия. «Отец и Солнце озирают горы, но заглядывают и в низины. Видят траву, видят насекомых. И радуются совокуплению не только нас, родивших нас, наших детей, но и всякому совокуплению, даже травы, даже насекомого» [Розанов, 2000а, с. 102]. Христианство чуждо миру: «Умрет язычество – умрет солнышко, умрет мир. Умрет христианство? – не знаю ... Мир будет все-таки как он есть. <...>

Христианство есть грех.

Нет солнышка. Господи, неужели это не грех?

Ночь.

И без всякой таинственности. Обыкновенная рациональная ночь.

С клопами» [Там же, с. 101].

Розанов настаивает на том, что Христос «“АНТИ-творил мир”, а не “СО-творил мир”» [Там же, с. 325]. Он постоянно ведет борьбу с Богом, отвергая мир, созданный для влюбленного человека [Там же, с. 288]. Христос умирает за «немочь». Он – как и апостол Павел – «половая “немошь”, изнеможение, прямое и полное непонимание пола и отрицание пола» [Там же, с. 328]. Христос «говорил против Отца, который взрыл мир страстями ...» [Там же, с. 268]. О двух важнейших аспектах мироздания, двух украшений жизни – о богатстве и о деторождении – Христос «выразился как Сын тьмы и гибели, а не сын света и блага» [Там же, с. 370]. Согласно Розанову, христианство – это мир, из которого изъяли самое ценное – богатство, блеск и мудрость, здоровье, силу, бодрость и утро; христианство «есть выемка из мира, а не прибавка ему» [Там же, с. 269]. Проповедуемое Христом отречение от богатства, знатности и силы неизбежно ведет к гибели мира, ибо делает людей врагами друг друга, противопоставляет «всех» и «каждого». Христианство превратило мир в «сплошной лазарет», «чем мир христианский больше усиливается к добродетели,

тем он становится гниlostнее и зараженнее», из благодати Христа произрастает лишь зло [Там же, с. 341]. Христос прошел по миру, и мир зачах [Там же, с. 342]. Он «подсек корень условий земного бытия» [Там же, с. 359]. «ЭЛОГИМ, ВСЕ-Держитель», пишет Розанов, сотворил волшебный, чудесный мир.

«Вдруг мерный колокол звука:

БОМ

и – НИЧЕГО.

“Зачатие” ... О, это проклятие зачатия. Пусть же оно будет БЕЗСЕМЕННЫМ ... ОТ – одной МАТЕРИ ...

И – замирание, дрожание ... О, это медленное замирание. “Тихая, прекрасная кончина мира”.

“Мир умер”. “Я – победил» [Там же, с. 370].

Писатель прямо указывает на тождественность Христа и Змия-искусителя: «Змий в раю ... подсказывает Еве, что “у Бога что-то не так”, как и Христос ... подсказал всему человечеству, что “у Бога и Творца все совершенно что-то не так” ... Вторят змеиному слова Христа “мир – во зле лежит” (“все – похоть житейская”). Как Змий подействовал на любопытство Евы, сказав – “испытай”, так Христос подействовал на гордыню ума человеческого, соблазнив мужа и мужчину этою гордынею духа, этим ... самолюбием, этим ... тщеславием» [Там же, с. 175]. Если Христос и Бог, то Он – Бог печали, ужасов, страданий и мученичества. Люди, которые поверили в него, «поверили в уготованную для мира печаль ...» [Там же, с. 136]. Розанов проводит параллель между Христом и Сатаной, указывая, что Христос изначально «сделал со всем человечеством то, что Дьявол соделал с ним, когда Бог отступился от него» [Там же]. Писатель подчеркивает, что Иоанн Богослов «совершенно ясно и отчетливо» называет апостольские церкви «собраниями Сатаны» и «собраниями бесовскими» [Там же, с. 208].

Христианство, убежден Розанов, с Богом несовместимо. Если это и религия, то религия ужаса небытия, «ужаса, при котором леденеет кровь, какого от начала мира не было, где воистину “Бог” и “проклятие” есть одно. Это – не Бог. А кто проклял Бога таким неслышанным проклятием, истязал Его и мир Его таким истязанием, что как бы Сам Бог содрогнулся и произнес: “Зачем же я сотворил мир – и что-то делал, и сам же ковал судьбу его”» [Там же, с. 194]. Распространение этой «религии» привело к массовому атеизму. И, утверждает Розанов, отечественная история демонстрирует, что «русские ... глубже всех поняли Христа» [Там же]. Как следствие, превращение «мистического народа» в «горчайшего пьяницу», а русской жизни – в кабак с его бессодержательностью и отчаянием. «Все – ерунда», – убежден русский человек: когда ему надоедает строить государство, он разжигает костер революции, пламя которого уничтожает плоды его прежней деятельности.

Отчаяние и тесно связанный с ним нигилизм, ведущий к разрушению жизни, есть судьба всякого народа, поддавшегося растлевающему влиянию Христа. «Вся Европа “нигилистична”, – констатирует Розанов, – дерзка, нагла» и риторически вопрошает: «Кто ее выучил этому»? «Кто же *первый*?». Ведь дерзость и наглость противоречат «обыкновенному человеческому обхождению», по природе своей «грубоватому и миловатому». Тот, отвечает Розанов, кто произнес «первые *гордые слова*»: «Мужайтесь, ныне я *победил мир*», Мессия Запада и «западнических вообще цивилизаций, *личных*, дерзких, гордых» [Там же, с. 375]. В отчаянии цинизма, которому нет альтернативы, бьется

современная Европа, потому что Христом, «глубочайшим, самым глубоким из глубоких образов исключен Бог-Вседержитель и Бог-покровитель и Бог попечитель о судьбе» [Там же]. Мировую войну Розанов характеризует как «задыхание Европы», вызванное отсутствием молитвы, бессеменностью Евангелия [Там же, с. 173]. Народам «извращенной», «давно превратившейся в труху и пошлость» Европы русский писатель откровенно предпочитает «деликатных», «утонченных» азиатов [Там же, с. 196].

Серьезное отношение к христианству обрекает на сумасшествие. В качестве примера, Розанов указывает на жизнь и творчество Н. В. Гоголя. Христианство – это путь в небытие, смерть. Для христианина жизнь сводится к подготовке к смерти, он утрачивает интерес ко всему земному. Мы, русские, пишет Розанов, «гибнем, потому что поклонились Древу смерти», «но и Европа тоже получит когда-нибудь своего Гоголя и также умрет, – впрочем, не “умрет”, а “издохнет”, – им задавленная» [Там же, с. 185]. Христос «сплутывал душу русскую» [Там же, с. 286], измучил, истерзал ее. Розанов отождествляет Голгофского страдальца с Россией, русским народом, и восклицает, рыдая: «О, не надо Христа!» [Там же, с. 278]. Указывая на «Великого инквизитора» Ф. М. Достоевского и собственную христологическую концепцию, Розанов предрекает, что «полем восстания против Христа сделается Россия» [Там же, с. 310]⁶.

До октябрьского переворота 1917 г. Розанов мог позволить себе сомнения в отношении Христа, но находил оправдание им в Евангелии. С точки зрения развития религиозных воззрений писателя важно, что эти сомнения вытекали из стремления Розанова разделить Отца и Сына. «Господи, я буду с Тобою». Господи, ведь я никогда не отходил ... от Тебя. От Иисуса я отходил, сомневался о Нем: но раз Он “Фому” не осудил, который Его видел и осязал, – не осужден буду за это и я. <...> От Бога я не отходил, ни одной минуты о Нем не колебался: и Он от меня не отойдет. Верю» [Розанов, 1994б, с. 62], – пишет Розанов весной 1915 г. От Бога-отца он не отступится и в те месяцы, когда на пространстве России торжествовала смерть. «Отец всегда больше Сына» [Розанов, 2000а, с. 290], – настаивает Розанов, и работает над книгой, главная тема которой – «оправдание и защита Вседержителя, “Творца неба и земли”, от всяких поправок сыновних (яко бы сыновних, – уточняет Розанов, – а наоборот – враждебных), от всяких дополнений, от какого бы то ни было “искупления мира”» [Там же, с. 174].

Таким образом, идейные противники большевиков в оценке исторических событий 1917 г. разделились. Одни – условные либералы, к числу которых можно отнести Н. А. Бердяева, приветствовали свержение самодержавия, но категорически отказывались рассматривать приход большевиков к власти как революцию. О бесовском маскараде, сопровождающемся звериным хрюканьем, пишет Бердяев в ноябре 1917 г. в статье «Была ли в России революция?». В торжестве «большевизма» мыслитель не видит чего-либо нового

⁶ Казалось бы, что Розанов, разоблачая нигилистическую сущность Христа и исторического христианства, идет по пути, проложенному Ницше. Ведь немецкий философ доказывал, что христиане, «переноса центр тяжести не в жизнь, а в “мир иной” – в Ничто, отнимают у нее центр тяжести вообще», что «именно христианские суждения ценности переводят любую революцию в одно сплошное море крови и преступлений» [Ницше, 2009, с. 152-153] и т. д. Однако Розанов этих совпадений не замечает, к Ницше испытывает глубокую антипатию, упрекает его в оторванности от жизни и «излишней литературности». Антихристианство Ницше он называл «лишь краткой идейкой, некоторой литературной вещью, только помазавшей по губам европейского человечества» [Розанов, 2001, с. 327], и язвительно писал в октябре 1916 г., что «не двухвершkovому “антихристу” Ницше сломить Бесконечного Христа» [Розанов, 2008, с. 387].

и утверждает: «*“Большевистская революция” есть один из моментов разложения и гниения старой России, одна из трансформаций старой русской тьмы.* Во всем этом нет ничего похожего на революцию, на демократию, на социализм, на сколько-нибудь глубокое изменение в обществе и народе. Все это – жуткий и зловещий маскарад. Начала самовластия и деспотизма продолжают свое торжество и чинят оргию» [Бердяев, 2007, с. 652]. Психология русского человека, утверждает Бердяев, осталась прежней, процессы гниения старой России ошибочно воспринимаются как ее обновление, но «*ткань*» общественной жизни «*расползается и раздирается, как гнилая материя*», а души русских людей «*все те же рабы души*».

Другие – условные консерваторы, как, например, В. В. Розанов, исходили из того, что свержение монархии и победа большевиков в борьбе за власть – это звенья единой цепи революционных событий, последовательно опустошавших и уничтожавших Россию. Предельно наглядно результаты этого действия описаны во фрагменте «Апокалипсиса ...», названном его автором «LA DIVINA COMEDIA»:

«С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русской Историей железный занавес.

– Представление окончилось.

Публика встала.

– Пора одевать шубы и возвращаться домой.

Оглянулись.

Но ни шуб, ни домов не оказалось» [Розанов, 2000а, с. 45].

При этом Бердяев и Розанов были солидарны в том, что решающую роль в разрушении России сыграл отечественный нигилизм. Русская «революция», пророчествует Бердяев, ведет к всеобщему хаосу, смерти государства, нации, культуры: «*Чудовищный нигилизм, торжествующий в этих процессах разложения, есть явление старой России, а не творчество новой России*» [Бердяев, 2007, с. 650]. Они оба констатируют, что победа большевиков ведет к деградации личности и высших, религиозных, ценностей. И, наверное, согласился бы Бердяев с характеристикой Розановым социалиста как человека, обладающего «*мужеством убить*» и «*мужеством ограбить*» [Розанов, 2000а, с. 337]. Но если Бердяев видит в классовой борьбе, противопоставлении большевиками ненавистного им мира «*буржуазного*» миру «*социалистическому*» «*окончательную измену христианству и окончательное отрицание человечества как единого рода Божьего*» [Бердяев, 2007, с. 652], то Розанов в «Апокалипсисе нашего времени» пишет о торжестве нигилистического, по сути своей, христианства в России.

Список литературы / References

Бердяев, Н. А. (2007). *Падение священного русского царства: Публицистика 1914-1922 гг.* М.: Астрель. 1179 с.

Berdyayev, N. A. (2007). *The Downfall of the Sacred Russian Realm. 1914-1922.* Moscow. 1179 p. (In Russ.)

Достоевский, Ф. М. (1984). Записи литературно-критического и публицистического характера из записной тетради 1880-1881 гг. *Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т.* Т. XXVII. Л.: Наука. С. 42-87.

Dostoevsky, F. M. (1984). Notes of Literary-Critical and Publicistic Character from the Notebook of 1880–1881. In *Dostoevsky F. M. Complete Works. In 30 vols. Vol. XXVII.* Leningrad. Pp. 42-87. (In Russ.)

Ницше, Ф. (2009). Антихрист: Проклятие христианству. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 6. М.: Культурная революция. С. 109-185.

Nietzsche, F. (2009). The Antichrist: A Curse on Christianity. In *Nietzsche F. Complete Works. In 13 vols. Vol. 6.* Moscow. Pp. 109-185. (In Russ.)

Розанов, В. В. (1994a). Собрание сочинений. В темных религиозных лучах. М.: Республика. 478 с.

Rozanov, V. V. (1994a). *Collected Works. In Dark Religious Rays.* Moscow. 478 p. (In Russ.)

Розанов, В. В. (1994b). Собрание сочинений. Мимолетное. М.: Республика. 543 с.

Rozanov, V. V. (1994b). *Collected Works. Fleeting.* Moscow. 543 p. (In Russ.)

Розанов, В. В. (1995). Собрание сочинений. О писательстве и писателях. М.: Республика. 735 с.

Rozanov, V. V. (1995). *Collected Works. On Writing and Writers.* Moscow. 735 p. (In Russ.)

Розанов, В. В. (2000a) Собрание сочинений. Апокалипсис нашего времени. М.: Республика. 430 с.

Rozanov, V. V. (2000a). *Collected Works. Apocalypse of Our Time.* Moscow. 430 p. (In Russ.)

Розанов, В. В. (2000b). Собрание сочинений. Последние листья. М.: Республика. 383 с.

Rozanov, V. V. (2000b). *Collected Works. The Last Leaves.* Moscow. 383 p. (In Russ.)

Розанов, В. В. (2000в). Собрание сочинений. Юдаизм. Статьи и очерки 1898-1901 гг. М.: Республика. 846 с.

Rozanov, V. V. (2000c). *Collected Works. Judaism. Articles and Essays of 1898-1901.* Moscow. 846 p. (In Russ.)

Розанов, В. В. (2001). Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев. М.: Республика. 478 с.

Rozanov, V. V. (2001). *Collected Works. Literary Exiles: N. N. Strakhov, K. N. Leontiev.* Moscow. 478 p. (In Russ.)

Розанов, В. В. (2003). Собрание сочинений. Около народной души. Статьи и очерки 1906-1908 гг. М.: Республика. 448 с.

Rozanov, V. V. (2003). *Collected Works. About the People's Soul. Articles and Essays of 1906-1908.* Moscow. 448 p. (In Russ.)

Розанов, В. В. (2007). *Собрание сочинений. На фундаменте прошлого. Статьи и очерки 1913-1915 гг.* М.: Республика; СПб.: Росток. 639 с.

Rozanov, V. V. (2007). *Collected Works. On the Foundation of the Past. Articles and Essays of 1913-1915.* Moscow; St. Petersburg. 639 p. (In Russ.)

Розанов, В. В. (2008). *Собрание сочинений. В чаду войны. Статьи и очерки 1916-1918 гг.* М.: Республика; СПб.: Росток. 622 с.

Rozanov, V. V. (2008). *Collected Works. In the Fumes of War. Articles and Essays of 1916-1918.* Moscow; St. Petersburg. 622 p. (In Russ.)

Розанов, В. В. (2010). *Собрание сочинений. Листва.* М.: Республика; СПб.: Росток. 592 с.

Rozanov, V. V. (2010). *Collected Works. Leaves.* Moscow; St. Petersburg. 592 p. (In Russ.)

Розанов, В. В. (2011). *Собрание сочинений. Террор против русского национализма. Статьи и очерки 1911 г.* М.: Республика. 414 с.

Rozanov, V. V. (2011). *Collected Works. Terror against Russian Nationalism. Articles and Essays of 1911.* Moscow. 414 p. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Бойко Владимир Анатольевич – кандидат культурологии, доцент, доцент Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: vboyko100@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-0365-5171>.

Статья поступила в редакцию: 13.07.2026

После доработки: 27.08.2026

Принята к публикации: 10.09.2026

Boyko Vladimir – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Associate Professor of Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: vboyko100@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-0365-5171>.

The paper was submitted: 13.07.2026

Received after reworking: 27.08.2026

Accepted for publication: 10.09.2026